

БЕРНАРД

ШОУ

ПИГМАЛИОН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Бернард Шоу

**Пигмалион. Кандида. Смуглая
леди сонетов (сборник)**

«ФТМ»

«АСТ»

УДК 821.111-31-2
ББК 84(4Вел)-6

Шоу Б.

Пигмалион. Кандида. Смуглая леди сонетов (сборник) / Б. Шоу —
«ФТМ», «АСТ», — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-097076-6

В сборник вошли три пьесы Бернарда Шоу. Среди них самая знаменитая – «Пигмалион» (1912), по которой снято множество фильмов и поставлен легендарный бродвейский мюзикл «Моя прекрасная леди». В основе сюжета – древнегреческий миф о том, как скульптор старается оживить созданную им прекрасную статую. А герой пьесы Шоу из простой цветочницы за 6 месяцев пытается сделать утонченную аристократку. «Пигмалион» – это насмешка над поклонниками «голубой крови»... каждая моя пьеса была камнем, который я бросал в окна викторианского благополучия», – говорил Шоу. В 1977 г. по этой пьесе был поставлен фильм-балет с Е. Максимовой и М. Лиепой. «Пигмалион» и сейчас с успехом идет в театрах всего мира. Также в издание включены пьеса «Кандида» (1895) – о том непонятном и загадочном, не поддающемся рациональному объяснению, за что женщина может любить мужчину; и «Смуглая леди сонетов» (1910) – своеобразная инсценировка скрытого сюжета шекспировских сонетов.

УДК 821.111-31-2
ББК 84(4Вел)-6

ISBN 978-5-17-097076-6

© Шоу Б.
© ФТМ
© АСТ

Содержание

Пигмалион	6
Профессор фонетики	6
Действие первое	9
Действие второе	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Бернард Шоу

Пигмалион. Кандида. Смуглая леди сонетов (сборник)

George Bernard Shaw

PYGMALION

CANDIDA

THE DARK LADY OF THE SONNETS

Печатается с разрешения The Estate of Bernard Shaw c/o The Society of Authors.

© George Bernard Shaw, 1910, 1913, 1914, 1916, 1926, 1930, 1933, 1941, 1944, 1948

© The Public Trustee as Executor of the Estate of George Bernard Shaw, 1957, 1958

© Перевод. С. Бобров, М. Богословская, наследники, 2016

© Перевод. П. Мелкова, наследники, 2016

© Перевод. М. Лорие, наследники, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Пигмалион

Роман-фантазия в пяти действиях

1912–1913¹

Профессор фонетики

Как мы увидим дальше, «Пигмалион» нуждается не в предисловии, а в продолжении, которым я и снабдил пьесу в должном месте.

Англичане не уважают родной язык и упорно не желают учить детей говорить на нем. Написание слов у них столь чудовищно, что человеку не научиться самому произносить их. Ни один англичанин не откроет рта без того, чтобы не вызвать к себе ненависти или презрения у другого англичанина. Немецкий и испанский языки вполне доступны иностранцам, но английский недоступен даже англичанам. Энергичный энтузиаст-фонетист – вот кто требуется сейчас Англии в качестве реформатора, потому-то я и сделал такового главным действующим лицом моей ныне столь популярной пьесы. Герои такого толка, тщетно вопиющие в пустыне, уже случались в последнее время. Когда к концу 1870-х годов я заинтересовался этой темой, прославленный Александр Мелвилл Белл, изобретатель Наглядной Речи, уже давно эмигрировал в Канаду, где сын его изобрел телефон. Но Александр Дж. Элис еще оставался лондонским патриархом, его величественную голову прикрывала неизменная бархатная шапочка, за что он изысканно извинялся перед аудиторией. Он и Тито Пальярдини, еще один ветеран-фонетист, принадлежали к тем людям, к которым невозможно испытывать неприязнь. Генри Суит, тогда еще молодой человек, отнюдь не отличался присущей им мягкостью: к обыкновенным смертным он относился примерно так же снисходительно, как Ибсен или Сэмюэл Батлер. Его талант фонетиста (а на мой взгляд, он лучше их всех знал свое дело) дал бы ему право на высокое официальное признание и, вероятно, возможность популяризировать любимую науку, если бы не его сатанинское презрение к академическим должностным лицам и вообще ко всем тем, кто греческий ставил выше фонетики. В те дни, когда в Южном Кенсингтоне возник Имперский институт и Джозеф Чемберлен расширял пределы империи, я подбил как-то раз одного издателя ежемесячного журнала заказать Суиту статью о значении его науки для Британской империи. Присланная им статья не содержала ничего, кроме издевательских нападок на профессора языка и литературы, чью должность, по мнению Суита, имел право занимать исключительно специалист по фонетике. Статью печатать было невозможно по причине ее пискливого характера, и ее пришлось вернуть автору, а мне пришлось отказаться от мечты вытащить ее автора на сцену. Когда много лет спустя я встретил его после долгого перерыва, я, к удивлению моему, увидел, что он ухитрился из молодого человека вполне сносной наружности превратить себя (по чистому пренебрежению) в воплощенное отрицание Оксфорда и всех его традиций. Суита, очевидно назло ему, втиснули в должность преподавателя фонетики. Будущее фонетики, возможно, и принадлежит его ученикам – все они молились на него, – но самого учителя ничто не могло примирить с университетом, за который, пользуясь своим святым правом, он тем не менее цеплялся, как самый типичный оксфордец. Смеем предположить, что его записки, если он таковые после себя оставил, содержат кое-какие сатиры, которые можно будет опубликовать без особых

¹ © Перевод. П. Мелкова, наследники, 2004

разрушительных последствий лет этак через пятьдесят. Он, как мне кажется, вовсе не был недоброжелательным, скорее, я бы сказал, наоборот, но просто он не выносил дураков.

Те, кто его знал, угадают у меня в III акте намек на изобретенную им систему стенографии, с помощью которой он писал открытки и которую можно изучить по руководству ценой в четыре шиллинга шесть пенсов, выпущенному Кларендон Пресс. Именно такие открытки, о которых упоминает миссис Хигинс, я и получал от Суита. Расшифровав звук, который кокни передал бы как «зерр», а француз как «се», я затем писал Суиту, требуя с некоторой запальчивостью разъяснить, что именно, черт его подери, он хотел сказать. С безграничным презрением к моей тупости Суит отвечал, что он не только хотел, но и сказал слово «результат» и что ни в одном из существующих на земле языков нет другого слова, содержащего этот звук и имеющего смысл в данном контексте. Думать, что менее квалифицированным смертным требуются более подробные разъяснения, – это уже было свыше суитовского терпения. Задуман его Универсальный алфавит был для того, чтобы безупречно изображать любой звук в языке, как гласный, так и согласный, держа при этом руку под любым наиболее удобным углом и делая самые легкие и беглые движения, какие нужны для написания не только «м» и «н», но также «у», «л», «п» и «к». Однако неудачная идея использовать этот оригинальный и вполне удобочитаемый алфавит еще и как стенографию превратила его в суитовских руках в самую неразборчивую из криптограмм. Первоначальной задачей Суита было снабдить исчерпывающим, аккуратным, удобочитаемым шрифтом наш благородный, но плохо экипированный язык. Но Суита увело в сторону презрение к популярной Питменовской системе стенографии, которую он окрестил ямографией. Торжество Питмена было торжеством умелой организации дела: еженедельная газета убеждала вас изучать систему Питмена; вам предоставлялись дешевые пособия и сборники упражнений и расшифровки стенограмм речей, а также школы, где опытные педагоги натаскивали вас до необходимого уровня. Суит же не умел подобным образом организовать спрос на себя. Его скорее можно уподобить сивилле, разорвавшей листы со своим пророчеством оттого, что ее никто не желал слушать. Учебник за четыре шиллинга шесть пенсов, собственноручно им написанный и залитографированный, никогда не имел пошлой рекламы. Быть может, однажды его и подхватит какой-нибудь синдикат и навяжет обществу, как «Таймс» навязал читателям Британскую энциклопедию, но до тех пор, пока этого не произошло, его системе, безусловно, не одержать верха над Питменовской. За свою жизнь я купил три экземпляра Суита. Через издательство мне известно, что учебник его продолжает упорно вести здоровое затворническое существование. Я овладевал системой Суита дважды, в разные периоды своей жизни, и, однако, эти вот строки записаны по системе Питмена. Причина в том, что моя секретарша не умеет стенографировать по Суиту, так как волею обстоятельств обучалась по школе Питмена. Вот Суит и напал в своих речах на Питмена так же тщетно, как Терсит на Аякса, и хотя язвительные нападки, может статься, и облегчали его душу, но повальной моды на Универсальный алфавит не обеспечили.

Пигмалион-Хигинс не есть портрет Суита, вся история с Элизой Дулитл для Суита была бы невозможна. Но, как вы увидите, в Хигинсе присутствуют черты Суита. Обладая тем телосложением и темпераментом Хигинса, он сумел бы поджечь Темзу. Будучи же самим собой, Суит как профессионал произвел на Европу такое впечатление, что сравнительная безвестность и непризнание Оксфордом суитовских заслуг до сих пор остаются загадкой для иностранных специалистов в этой области. Я не виню Оксфорд, так как считаю, что Оксфорд вправе требовать от своих питомцев хотя бы толики светской вежливости (видит Бог, ничего непомерного нет в этом требовании!). Хотя я хорошо понимаю, как трудно человеку талантливому, чью науку недооценивают, поддерживать безоблачно дружелюбные отношения с теми, кто ее недооценивает и отводит лучшие места менее важным дисциплинам (которые преподают без оригинальности и подчас не имея должных способностей), все

же, коль скоро ты изливаешь презрение и ярость, вряд ли следует ожидать, что тебя будут осыпать почестями.

О последующих поколениях фонетистов я знаю мало. Среди них высится Поэт-лауреат, которому, возможно, Хигинс обязан своим увлечением Мильтоном, но и тут я опять-таки отрицаю всякое портретное сходство. Если моя пьеса доведет до сознания общества, что есть на свете такой народ – фонетисты и что они принадлежат в современной Англии к самым нужным людям, то она сделала свое дело.

Хочу похвастаться: «Пигмалион» пользуется большим успехом во всей Европе и Северной Америке и даже у себя на родине. Пьеса столь интенсивно и нарочито дидактична и тема ее слывет столь сухой, что я с наслаждением сую ее в нос умникам, которые как попугаи твердят, что искусство ни в коем случае не должно быть дидактичным. Она льет воду на мою мельницу, подтверждая, что искусство иным и быть не должно.

И в заключение, чтобы подбодрить тех, кого акцент лишает возможности сделать служебную карьеру, добавлю, что перемена, которую произвел профессор Хигинс в цветочнице, не является чем-то несбыточным и необычным. В наш век дочь консьержа, которая играет королеву Испании в «Рюи Блазе» в «Комеди Франсез», осуществляя свои честолюбивые мечты, – лишь одна из многих тысяч (женщин и мужчин), отбросивших родные диалекты, как сбрасывают старую кожу, и приобретших новый язык. Но совершать превращение надо по-научному, иначе последняя стадия обучения может оказаться безнадежнее первой: честный природный диалект трущоб вынести куда легче, чем попытку фонетически необученной личности подражать вульгарному жаргону членов гольф-клуба. А я с сожалением должен признать, что, невзирая на усилия нашей Королевской академии драматического искусства, на сцене нашей до сих пор слишком много поддельного английского, заимствованного именно из гольф-клубов, и слишком мало благородного английского языка Форбс-Робертсона.

Действие первое

Ковент-Гарден. 11.15 вечера. Лето. Проливной дождь. Со всех сторон отчаянные гудки автомобилей. Прохожие бегут к рынку и к церкви Св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек. Среди них дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все мрачно взирают на потоки дождя, и только один человек, стоящий спиной к остальным, по-видимому, целиком поглощен своей записной книжкой; он торопливо делает какие-то заметки. Бьет четверть двенадцатого.

Дочь (*стоит между двумя центральными колоннами портика, ближе к левой*). Я продрогла до костей. Куда пропал Фредди? Вот уже двадцать минут как он ушел.

Мать (*справа от дочери*). Положим, не двадцать. Но такси он бы все-таки мог уже найти.

Прохожий (*справа от дамы*). Раньше половины двенадцатого никакого такси он вам не достанет, мэм, и не надейтесь; сейчас все из театров разъезжаются.

Мать. Но нам очень нужно. Мы не можем стоять здесь до половины двенадцатого. Какое безобразие!

Прохожий. А я чем виноват?

Дочь. Будь у него голова на плечах, он давно бы нашел такси у театра.

Мать. Ну что ты хочешь от бедного мальчика?

Дочь. Все достают такси. А он почему не может?

Под потоками дождя со стороны Саутгемптон-стрит вылетает Фредди и становится между ними, закрывая зонтик, с которого стекает вода. Это молодой человек лет двадцати в вечернем костюме, брюки у него мокры по щиколотку.

Дочь. Ну, достал-таки?

Фредди. Нигде ни одного, ни за какие деньги.

Мать. Ах, Фредди, машину всегда можно достать. Ты просто плохо искал.

Дочь. Боже, как мне все надоело! Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?

Фредди. Я же вам говорю, все машины расхватили. Дождь начался внезапно, никто его не ожидал, и все кинулись искать такси. Я дошел до Черинг-кросс, потом повернул и добрался почти до самого Ледгет-серкус; нигде ни одной свободной машины.

Мать. А на Трафальгар-сквер?

Фредди. И на Трафальгар-сквер ни одной.

Дочь. А ты там был?

Фредди. Я был на Черинг-Кросском вокзале. Ты, вероятно, ожидала, что я пробегусь до Хаммерсмита?

Дочь. Никуда ты не ходил.

Мать. Ты в самом деле ужасно беспомощен, Фредди. Иди опять и, пока не найдешь такси, не возвращайся.

Фредди. Только зря вымокну до нитки.

Дочь. А мы? По-твоему, мы всю ночь будем стоять здесь на ветру, в одних платьях? Это свинство. Эгоист несчастный!

Фредди. Ну, ладно, ладно, иду.

Раскрывает зонтик и бросается в сторону Стрэнда, но по дороге сталкивается с уличной цветочницей, которая спешит укрыться от дождя, и выбивает у нее из рук корзину с цветами. Ослепительная вспышка молнии, сопровождаемая оглушительным раскатом грома, служит фоном для этого происшествия.

Цветочница. Ты что, очумел, Фредди? Не видишь, куда прешь!

Фредди. Виноват... (*Убегает.*)

Цветочница (*подбирая рассыпанные цветы и укладывая их в корзинку*). А еще называется образованный! Все мои фиалочки копытами перемял.

Усаживается у подножия колонны справа от дамы и начинает приводить в порядок цветы. Привлекательной ее не назовешь. Лет ей восемнадцать-двадцать, не больше. На ней маленькая матросская шапочка из черной соломки, с многочисленными следами лондонской пыли и копоти, явно скупающая по щетке. Ее давно не мытые волосы приобрели какой-то неестественный мышиный цвет. Поношенное черное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен. На ней коричневая юбка и грубый фартук. Башимаки тоже знавали лучшие дни. Нельзя сказать, что она не старается быть по-своему опрятной, но по сравнению с окружающими ее дамами выглядит настоящей грязнулей. Черты ее лица не хуже, чем у них, но кожа оставляет желать лучшего. К тому же девушка явно нуждается в услугах зубного врача.

Мать. Простите, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди?

Цветочница. Ага, так это ваш сынок? Хороша мамаша! Воспитала бы сына как положено, так он бы побоялся цветы у бедной девушки изгадить, а потом смыться и денег не заплатить. Вот вы теперь и гоните монету!

Приношу извинения, но попытка воспроизвести ее отчаянный диалект без фонетической транскрипции неосуществима за пределами Лондона.

Дочь. Только этого еще не хватало!

Мать. Не вмешивайся, Клара. Есть у тебя мелочь?

Дочь. Шестипенсовик. Мельче нет.

Цветочница (*с надеждой*). Так я вам его разменяю, леди.

Мать (*Кларе*). Дай сюда.

Дочь неохотно подчиняется.

Так. (*Цветочнице*.) Вот вам за цветы, милая.

Цветочница. Премного благодарна...

Дочь. Пусть она даст сдачи. Такому букетику красная цена – пенни.

Мать. Помолчи, Клара. (*Цветочнице*.) Сдачу оставьте себе.

Цветочница. У... у... у... х, спасибо вам, леди.

Мать. А теперь скажите мне, откуда вам известно имя этого молодого человека?

Цветочница. Да я его и не знаю.

Мать. Но я слышала, как вы называли его по имени. Не обманывайте меня.

Цветочница (*возражая*). А чего мне вас обманывать? Ну, Фредди, Чарли – не все одно? Надо же из вежливости как-то назвать человека. (*Усаживается возле своей корзинки*.)

Дочь. Зря только выбросили шесть пенсов. Право, мама, тут уж вы могли бы пощадить Фредди. (*Брезгливо отступает за колонну*.)

Пожилый джентльмен – привлекательный тип старого военного – спешит укрыться от дождя, закрывая на ходу зонтик, с которого льет вода. У него, как и у Фредди, брюки внизу совершенно мокрые. Он в вечернем костюме и легком пальто. Занимает освободившееся место у колонны слева.

Джентльмен. Уф-ф!

Мать (*джентльмену*). Ну, как там, сэр? Просвета все еще не видно?

Джентльмен. Ни малейшего намека. Напротив, дождь усиливается. (*Подходит к тому месту, где сидит цветочница, ставит ногу на плитку колонны и, нагнувшись, подвертывает мокрые брюки*.)

Мать. О господи! (*Огорченно отходит к дочери*.)

Цветочница (*пользуется соседством пожилого джентльмена, чтобы завязать с ним дружеские отношения*). Раз опять припустил, значит, конец видать. Не огорчайтесь, кэптен, купите лучше букетик у бедной девушки.

Джентльмен. К сожалению, у меня нет мелочи.

Цветочница. Я вам разменяю, кэптен.

Джентльмен. Соверен? Мельче у меня нет.

Цветочница. Ух ты! Купите цветочек, кэптен, купите! Полкроны я еще разменяю. Возьмите вот этот – всего два пенса.

Джентльмен. Не приставай ко мне, девочка, – это нехорошо. (*Шарит по карманам.*) У меня в самом деле нет мелочи... Пстой-ка! Вот три монетки по полпенса, если тебя устроит... (*Переходит к другой колонне.*)

Цветочница (*разочарованно, но понимая, что полтора пенса лучше, чем ничего*). Спасибо вам, сэр.

Прохожий (*цветочнице*). Эй ты, полегче, взяла деньги – так дай ему цветок. Видишь вон того типа за колонной? Он записывает каждое твое слово.

Все оборачиваются к человеку с записной книжкой.

Цветочница (*испуганно вскакивая*). Что я худого сделала? Ну, заговорила с джентльменом – так я имею право продавать цветы, если на тротуар не лезу. (*Истериически.*) Я девушка порядочная! Я ничего такого ему не сказала – просто попросила купить цветочек...

Общий шум. Большая часть публики сочувствует цветочнице, но осуждает ее чрезмерную чувствительность. Люди пожилые, солидные треплют ее по плечу, бросая ободряющие реплики вроде: «Чего расхныкалась? Кто тебя трогает? Кому ты нужна? К чему шум поднимать? Ну-ну, успокойся. Будет, будет!» Менее терпеливые рекомендуют ей заткнуть глотку или сердито спрашивают, чего, собственно, она разоралась. Те, что стояли далеко и не знают, в чем дело, спешат к месту происшествия и усугубляют суматоху расспросами и объяснениями: «Что за шум? Что она натворила? Где он? Да вот, застукал ее легавый. Какой? Да вон тот, за колонной. Деньги у джентльмена выманила». И так далее. Цветочница, оглушенная и растерянная, протискивается сквозь толпу к джентльмену и громко вопит.

Цветочница. Ой, сэр, пожалуйста, не велите ему заявлять на меня! Вы не знаете, что мне за это будет! У меня отберут патент, меня выкинут на улицу за приставанье к мужчинам. Они мне...

Человек с записной книжкой (*выходит вперед, толпа окружает его*). Ну, хватит, хватит! Кто вас обижает, глупая вы девчонка! За кого вы меня принимаете?

Прохожий. Все в порядке. Это джентльмен – поглядите, какие у него ботинки. (*Объясняет человеку с записной книжкой.*) Она думала, сэр, что вы легавый.

Человек с записной книжкой (*с живым интересом*). А что значит «легавый»?

Прохожий (*не находя определения*). Легавый – это... это... ну, одним словом, легавый. Как его иначе назовешь? Ну, вроде сыщика или полицейского агента.

Цветочница (*все еще истериически*). Да я на Библии могу присягнуть, что ничего такого...

Человек с записной книжкой (*повелительно, но добродушно*). Довольно! Замолчите наконец. Разве я похож на полицейского?

Цветочница (*далеко не успокоенная*). А зачем тогда записывали каждое слово? Почему я знаю, что вы там накатали? А ну-ка, покажите, что у вас там обо мне накарякано?

Он раскрывает записную книжку и сует ей под нос. Толпа, пытаясь прочесть написанное через его плечо, напирает так, что человек послабее не устоял бы на ногах.

Чего это? Написано-то не по-нашему. Я не разбираю...

Человек с записной книжкой. Зато я разберу. (*Читает, точно воспроизводя ее выговор.*) «Ни огарчайтись, кэптин, купитя лучше пукетик у бенной девушки».

Цветочница (*в полном смятении*). Может, вы за то, что я его назвала «кэптен»? Так я ж ничего плохого не думала. (*Джентльмену.*) Ах, сэр, не велите ему на меня заявлять, за одно только слово. Вы...

Джентльмен. О чем заявлять? Я вас ни в чем не обвиняю. (*К человеку с записной книжкой.*) Право, сэр, хоть вы и сыщик, вам вовсе незачем ограждать меня от приставаний, пока я сам не попрошу. Слепому ясно, что у девушки не было дурных намерений.

Голоса в толпе (*протестующие против полицейского произвола*). Правильно! Чего он суется? Пусть лучше занимается своим делом! Не видите, что ли? Он выслужиться захотел! Каждое слово за человеком записывает! Девушка с ним слова не сказала! А хоть бы и сказала! Хорошенькое дело, девушке уж и от дождя нельзя укрыться, чтобы ее не оскорбили. (*И т. д. и т. п.*)

Прохожие, настроенные наиболее сочувственно, отводят цветочницу обратно к колонне, где она снова усаживается, стараясь побороть волнение.

Прохожий. Никакой он не сыщик. Просто любит соваться в чужие дела. Я же вам говорю, посмотрите на его ботинки.

Человек с записной книжкой (*обернувшись к нему, сердечно*). Как поживают ваши родные в Селси?

Прохожий (*подозрительно*). А кто вам сказал, что мои родные из Селси?

Человек с записной книжкой. Не важно кто. Ведь это же так. (*К цветочнице.*) А вас как занесло так далеко на восток? Вы ведь родились в Лисонгрове.

Цветочница (*ошеломленная*). А что такого, если я уехала из Лисонгрова? Я там в конуре вонючей жила – у свиньи хлев и то лучше, – а платила четыре шиллинга шесть пенсов в неделю. (*Заливается слезами.*) О... о... о... ой... ой... ой!

Человек с записной книжкой. Живите где угодно, только прекратите реветь.

Джентльмен (*девушке*). Ну полно, полно! Он не тронет тебя, ты имеешь право жить где хочешь.

Саркастический прохожий (*протискиваясь между человеком с записной книжкой и джентльменом*). Например, в собственном особняке на Парк-лейн. А знаете, я не прочь обсудить с вами жилищную проблему.

Цветочница (*пригорюнившись над корзиной, потихоньку причитает*). Я девушка честная. Да, честная.

Саркастический прохожий (*не обращая на нее внимания*). Ну, а откуда я родом, вы знаете?

Человек с записной книжкой (*не моргнув глазом*). Из Хокстона.

В толпе хихикают. Интерес к человеку с записной книжкой явно возрастает.

Саркастический прохожий (*пораженный*). Угадал, ничего не скажешь. Черт побери, да вы действительно всезнайка.

Цветочница (*все еще переживая нанесенную ей обиду*). Нет у него таких прав, чтобы лезть в чужие дела. Чего он ко мне пристал?

Прохожий (*цветочнице*). Верно! Вот ты ему и не спускай. (*К человеку с записной книжкой.*) Послушайте, а на каком таком основании вы все знаете о людях, которые с вами не желают иметь дела? Где ваше удостоверение?

Несколько человек из толпы (*ободренные ссылкой на статью закона*). Точно! Где у вас удостоверение?

Цветочница. А пусть его болтает чего вздумается! Не хочу я с ним связываться.

Прохожий. А все потому, что вы нас за людей не считаете. С джентльменом вы бы себе шутки шутить не позволили.

Саркастический прохожий. Верно! Если уж взялись ворожить, так скажите нам – откуда он взялся? (*Указывает на пожилого джентльмена.*)

Человек с записной книжкой. Челтенхем, Харроу, Кембридж, позднее Индия.

Джентльмен. Совершенно верно.

Толпа раздражается хохотом. Теперь сочувствие явно на стороне человека с записной книжкой. Раздаются восклицания: «Все насквозь знает! Так и отрезал! Слыхали, как он ему выложил, что, да как, да где?»

И т. д.

Джентльмен. Позвольте спросить, сэр. Вы, наверно, из мюзик-холла? Зарабатываете этим номером на жизнь?

Человек с записной книжкой. Я уже подумывал об этом. Возможно, когда-нибудь попробую.

Дождь прекратился, и толпа понемногу начинает расходиться.

Цветочница (*недовольная переменой общего настроения не в ее пользу*). Никакой он не порядочный. Порядочный не станет обижать бедную девушку.

Дочь (*потеряв терпение, бесцеремонно проталкивается вперед*). Куда же пропал Фредди? Я схвачу воспаление легких, если еще постою на этом сквозняке.

Пожилый джентльмен, вежливо сторонясь, отступает за колонну.

Человек с записной книжкой (*поспешно делает отметку, повторив про себя*). Эрлкорт.

Дочь (*возмущенно*). Попрошу держать при себе свои дерзости.

Человек с записной книжкой. Неужели я сказал что-либо вслух? Простите, это невольно. Но матушка ваша, несомненно, из Эпсома.

Мать (*подходит к дочери и становится между ней и человеком с записной книжкой*). Подумайте, как интересно! Я действительно выросла в Широкаледи-парк, неподалеку от Эпсома.

Человек с записной книжкой (*весело смеясь*). Ха-ха-ха! Черт, ну и название. (*К дочери*.) Простите, вам, кажется, нужно такси?

Дочь. Как вы смеете обращаться ко мне?!

Мать. Клара, Клара!

Дочь сердито пожимает плечами и, не удостоив ответом, с надменным видом отходит в сторону.

Мы были бы страшно признательны вам, сэр, если бы вы достали для нас такси.

Человек с записной книжкой вытаскивает свисток. Мать отходит к дочери. Человек с записной книжкой пронзительно свистит.

Саркастический прохожий. Видали? Я же говорил, что это шпик, только в штатском.

Прохожий. Нет, у него не полицейский свисток, а спортивный.

Цветочница (*все еще негодую*). Нет у него таких прав, чтобы забрать мой патент. Мне нужен патент, как и всякой леди.

Человек с записной книжкой. Кстати, вы заметили, что дождь уже перестал?

Прохожий. И верно. Чего же вы раньше не сказали? А то мы торчим здесь и теряем время, слушаем ваши глупости. (*Уходит по направлению к Стрэнду.*)

Саркастический прохожий. А я могу сказать, откуда вас самих принесло. Из психической лечебницы. Возвращайтесь-ка туда.

Человек с записной книжкой (*поправляя*). Психиатрической.

Саркастический прохожий (*стараясь говорить изысканно*). Весьма признателен, господин учитель. Ха-ха-ха! Всего наилучшего! (*Издавательски-почтительно приподымает шляпу и уходит.*)

Цветочница. Людей только пугает! Самого бы его пугнуть.

Мать. Дождя нет, Клара. Теперь можно добраться до автобуса. Идем. (*Подбирает юбку и торопливо уходит по направлению к Стрэнду.*)

Дочь. А как же такси...

Мать уже не слышит ее.

Ах, как мне все надоело! (*С раздраженным видом следует за матерью.*)

Вся публика постепенно разошлась. Остались только человек с записной книжкой, джентльмен и цветочница, которая сидит и, укладывая в корзину цветы, продолжает тихо жаловаться на судьбу.

Цветочница. Бедная ты девушка! И так тебе жизни нет, а тут еще каждый цепляется да надсмехается.

Джентльмен (*возвращаясь на свое прежнее место, слева от человека с записной книжкой*). Могу я узнать, как это у вас получается?

Человек с записной книжкой. Фонетика и еще раз фонетика. Наука о произношении. Моя профессия и моя страсть. Поистине счастлив тот, кому любимое занятие дает средства к жизни. Ирландца или йоркширца легко узнать по акценту. Но я могу определить место рождения человека с точностью до шести миль, а в Лондоне – двух. Иногда даже в пределах двух улиц.

Цветочница. Стыда на вас нет, бессовестный!

Джентльмен. Неужели этим можно заработать на жизнь?

Человек с записной книжкой. Конечно, можно. И на вполне приличную жизнь. Наш век – это век выскочек. Есть люди, которые начинают в Кентиштауне, живя на восемьдесят фунтов, а кончают в особняке на Парк-лейн, имея сто тысяч годового дохода. Они хотят отделаться от Кентиштауна, но стоит им раскрыть рот, как они выдают себя. Я же могу научить их...

Цветочница. Занимался бы лучше своим делом, чем мучить бедную девушку.

Человек с записной книжкой (*вспылив*). Женщина! Сейчас же прекрати свое мерзкое нытье или ищи себе место на другой паперти.

Цветочница (*с робким вызовом*). Я имею право тут сидеть, как и вы.

Человек с записной книжкой. Женщина, издающая такие омерзительные и убогие звуки, не имеет права сидеть где бы то ни было. Она вообще не имеет права жить. Не забывайте, что вы человеческое существо, наделенное душой и божественным даром членораздельной речи. Ваш родной язык – язык Шекспира, Мильтона и Библии. А вы тут сидите и квакаете, как простуженная лягушка.

Цветочница (*совершенно подавленная, боясь поднять голову, искоса смотрит на него со смешанным чувством удивления и осуждения*). Ай... о... о... у... у... а!

Человек с записной книжкой (*хватаясь за карандаш*). Боже мой! Что за звуки! (*Записывает, затем, глядя в книжку, читает, точно воспроизводя сочетание звуков.*) Ай... о... о... у... у... у... а!

Цветочница (*довольная представлением, невольно смеется*). Ух ты!

Человек с записной книжкой. Взгляните на эту девчонку! Слышали вы, на каком жаргоне она говорит? Этот жаргон навсегда приковал ее к панели. Так вот, сэр, дайте мне три месяца, и эта девушка сойдет у меня за герцогиню на приеме в любом посольстве. Я даже смогу устроить ее горничной или продавщицей в магазин, где надо говорить совсем уж безукоризненно. Нашим миллионерам я оказываю услуги именно этого рода, а на заработанные деньги веду научные изыскания в области фонетики и немножко занимаюсь поэзией – в духе Мильтона.

Джентльмен. Я сам изучаю индийские диалекты и...

Человек с записной книжкой (*с нетерпением*). Seriously? А не знаете ли вы, случайно, полковника Пикеринга, автора «Разговорного санскрита»?

Джентльмен. Я и есть полковник Пикеринг. А кто вы?

Человек с записной книжкой. Генри Хигинс – изобретатель «Универсального алфавита Хигинса».

Пикеринг (*восторженно*). Я же приехал из Индии, чтобы повидаться с вами!

Хигинс. А я собирался в Индию, чтобы встретиться с вами!

Пикеринг. Где вы живете?

Хигинс. Уимпол-стрит, двадцать семь «а». Жду вас у себя завтра же.

Пикеринг. Я остановился в отеле «Карлтон». Идемте ко мне, мы еще успеем перекинуться словечком за ужином.

Хигинс. С восторгом!

Цветочница (*Пикерингу, когда он проходит мимо*). Купите цветочек, добрый джентльмен, а то мне за квартиру платить нечем.

Пикеринг. К сожалению, у меня в самом деле нет мелочи. (*Уходит.*)

Хигинс (*возмущенный лживостью девушки*). Лгунья! Вы же говорили, что можете заменять полкроны.

Цветочница (*в отчаянии вскакивая*). Сердце у вас каменное, вот что! (*Швыряет к его ногам корзину.*) Нате, забирайте всю эту чертову корзину за шесть пенсов.

Часы на колокольне бьют половину двенадцатого.

Хигинс (*услышав в этом бое укор свыше за фарисейскую жестокость к бедной девушке*). Глас божий! (*Торжественно приподнимает шляпу, затем бросает в корзину пригоршню монет и уходит вслед за Пикерингом.*)

Цветочница (*вытаскивая полкроны*). Ау... у... у... ох! (*Вытаскивает два флорина.*) У... а... а... ооу! (*Вытаскивая еще несколько монет.*) Ую... ю... ю... ай! (*Вытаскивая полсверена.*) А... а... а... ха... ха... ха... ой!

Фредди (*выскакивая из такси*). Наконец-то достал! Хелло! (*Цветочнице.*) Тут стояли две дамы. Не знаете, где они?

Цветочница. А как дождь кончился, так они к автобусу и потопали.

Фредди. Безобразие! А что я буду делать с такси?

Цветочница (*величественно*). Не беспокойтесь, молодой человек. На вашей такси поеду домой я.

Проплывает мимо Фредди к машине. Шофер при виде ее поспешно захлопывает дверцу. Понимая его сомнения, она гордо показывает ему пригоршню монет.

Видал, Чарли? Восемь пенсов для нас – кха, тьфу!

Шофер ухмыляется и открывает ей дверцу.

Энджел-корт, Друри-Лейн, за керосиновой лавкой. И жми на всю железку!

С шумом захлопывает дверцу. Такси трогается.

Фредди. Вот это номер!

Действие второе

Одиннадцать утра. Кабинет Хигинса на Уимпол-стрит. Это комната в первом этаже, окнами на улицу, первоначально предназначавшаяся под гостиную. Посередине задней стены – двустворчатая дверь: входя через нее, видишь справа у стены два высоких картотечных шкафа, стоящих под прямым углом друг к другу. Там же письменный стол, где громоздятся фонограф, ларингоскоп, батарея тонких органных труб с воздухоудвными мехами, ряд газовых горелок под ламповыми стеклами, подсоединенных резиновым шлангом к газовому розжку на стене, несколько разного размера камертонов, муляж человеческой головы в натуральную величину, показывающий голосовые органы в разрезе, и коробка с запасными восковыми валиками для фонографа. По эту же сторону – камин; возле него, ближе к двери, – удобное кожаное кресло и ящик для угля. На каминной доске – часы.

Между письменным столом и камином – журнальный столик. По левую руку от двери – шкафчик с неглубокими ящиками; на нем телефон и телефонная книга. Почти вся остающаяся часть левого угла занята концертным роялем, расположенным хвостом к двери; перед роялем не табурет, как обычно, а скамейка во всю длину клавиатуры. На рояле ваза с фруктами и сладостями, преимущественно шоколадными конфетами. Середина кабинета пуста. Кроме кресла, скамейки и двух стульев у письменного стола, в комнате есть лишь еще один стул, не имеющий определенного назначения. Сейчас он придвинут к камину. На стенах гравюры, в основном Пиранези, и портреты меццо-тинто. Картин нет. Пикеринг, сидя у стола, раскладывает по местам камертон и карточки, которыми только что пользовался. Хигинс, стоя рядом, у картотеки, водворяет обратно выдвинутые ящики. Сейчас, при дневном свете, видно, что это крепкий, жизнерадостный, отменного здоровья мужчина лет сорока, в костюме, свидетельствующем о принадлежности к определенной профессии, – черный сюртук, крахмальный воротничок, черный шелковый галстук. Он один из тех энергичных людей науки, которые глубоко, даже страстно интересуются всем, что может служить предметом научного исследования, и в то же время равнодушины к себе и близким, а заодно и к их чувствам. Несмотря на возраст и внушительную комплекцию, он, в сущности, очень похож на непоседу ребенка, который шумно и бурно реагирует на все, что привлекает его внимание, и за которым нужно внимательно присматривать, чтобы он не натворил беды. По-детски неустойчиво и его поведение: добродушная ворчливость в минуты хорошего настроения мгновенно сменяется у него яростными вспышками, как только ему что-нибудь не по нраву; но он так непосредствен и бесхитростен, что симпатичен даже тогда, когда заведомо не прав.

Хигинс (задвигая последний ящик). Ну вот, как будто и все.

Пикеринг. Поистине потрясюще. Но знаете, я не воспринял даже половины.

Хигинс. Хотите снова прослушать на выбор?

Пикеринг (встает, подходит к камину и становится спиной к огню). Нет, спасибо, больше не могу. На сегодня хватит.

Хигинс (идет за ним и становится рядом, с левой стороны). Устали слушать звуки?

Пикеринг. Да. Ужасное напряжение. А я-то гордился, что могу отчетливо произнести двадцать четыре гласных. Но ваши сто тридцать сразили меня. В большинстве случаев я даже не могу уловить разницу между ними.

Хигинс (посмеиваясь, отходит к роялю и берется за конфеты). Вопрос привычки. Вначале вы не улавливаете разницы; но вслушайтесь хорошенько и вскоре убедитесь, что они отличаются друг от друга, как А от Б.

В комнату заглядывает миссис Пирс, экономка Хигинса.

В чем дело, миссис Пирс?

Миссис Пирс (*колеблясь: она явно растерянна*). Какая-то юная особа желает вас видеть, сэр.

Хигинс. Юная особа? А что ей угодно?

Миссис Пирс. Видите ли, сэр, она утверждает, что вы очень обрадуетесь, когда узнаете, зачем она пришла. Совсем простая девушка, сэр. Из самых простых. Я бы сразу выпроводила ее, но подумала, может быть, она вам нужна, чтобы наговаривать в ваши машины. Не знаю, правильно ли я поступила, но к вам иногда приходят такие странные люди... Надеюсь, вы меня извините, сэр...

Хигинс. Ничего, ничего, миссис Пирс. А у нее забавное произношение?

Миссис Пирс. Кошмарное, сэр, просто кошмарное. Не понимаю, как вы можете интересоваться такими вещами.

Хигинс (*Пикерингу*). Давайте послушаем. Тащите ее сюда, миссис Пирс. (*Бросается к письменному столу и достает новый валик для фонографа.*)

Миссис Пирс (*подчиняясь не без внутренней борьбы*). Слушаю, сэр. Как вам угодно. (*Уходит.*)

Хигинс. Какая удача! Я покажу вам, как делаю запись. Заставим ее говорить – я запишу ее сначала по системе Белла, а затем латинским алфавитом. Потом запишем ее на фонограф, и вы сможете прослушивать запись сколько захотите, сравнивая звук с транскрипцией.

Миссис Пирс (*возвращаясь*). Вот эта юная особа, сэр.

Входит цветочница. Она в полном параде. На голове у нее шляпа с тремя страусовыми перьями оранжевого, небесно-голубого и красного цвета. Ее передник почти чист, и грубошерстное пальто подверглось воздействию щетки. Пафос этой жалкой фигурки, с ее наивным тщеславием и видом важной дамы, трогает Пикеринга, который и так уже выпрямился в кресле при появлении миссис Пирс. Что касается Хигинса, то ему безразлично, с мужчиной или женщиной он имеет дело, разница заключается лишь в том, что в тех случаях, когда он не воздевает руки к небу в отчаянии от тупости какого-нибудь небесного создания или же не помыкает им, он заискивает перед женщиной, как ребенок перед своей нянькой, когда ему хочется выпросить у нее что-нибудь.

Хигинс (*сразу узнав цветочницу и не скрывая своего разочарования, которое у него, как у ребенка, превращается в смертельную обиду*). Это же та девчонка, которую я записал вчера вечером. Она нам не нужна. У меня достаточно записей с лисонгровским жаргоном. Нет смысла тратить на нее еще один валик. (*Цветочнице.*) Уходите, вы нам не нужны.

Цветочница. А вы не задирайте нос раньше времени! Вы еще не знаете, зачем я пришла. (*К миссис Пирс, которая остановилась в дверях, ожидая дальнейших приказаний.*) Вы сказали ему, что я приехала на такси?

Миссис Пирс. Какие глупости, моя милая! Неужели вы думаете, что такому джентльмену, как мистер Хигинс, не все равно, на чем вы приехали?

Цветочница. Ого, какие мы гордые! А ведь он не брезговает давать уроки, я сама слышала, как он говорил. Ну так вот! Я сюда не кланяться пришла. Если мои денежки вам не по вкусу, я пойду к другому.

Хигинс. При чем здесь ваши деньги?

Цветочница. Как при чем? При том, что я пришла брать уроки. Теперь расчухали? И платить за них собираюсь, не сумлевайтесь!

Хигинс (*ошеломлен*). Ну, знаете! (*С трудом переводя дыхание.*) И чего же вы ожидаете от меня?

Цветочница. А были бы вы джентльменом, так для начала предложили бы мне сесть. Я ведь уже сказала, что дам вам заработать.

Хигинс. Пикеринг, как мы поступим с этим пугалом? Предложим ей сесть или вышвырнем ее за окно?

Цветочница (*в ужасе отступает за рояль, готовая отчаянно защищаться*). А-а-о-о-у-у. (*Оскорбленная в своих лучших чувствах, хнычет.*) Что вы обзываете меня пугалом? Я же сказала, что буду платить, как всякая другая леди.

Мужчины, остолебнев, растерянно смотрят на нее.

Пикеринг (*мягко*). Чего вы хотите, дитя мое?

Цветочница. Я хочу быть продавщицей в цветочном магазине, а не торговать фиалками на углу Тотенхэм-Корт-роуд. А меня туда не возьмут, если я не буду выражаться по-образованному. А он сказал, что берется научить меня. Я не прошу никаких одолжений, понятно? Я могу заплатить, а он меня обзывает, словно я дрянь последняя.

Миссис Пирс. Как можно быть такой глупой, невежественной девушкой? Неужели вы думаете, что вы в состоянии брать уроки у мистера Хигинса?

Цветочница. А почему бы нет? Я не хуже вас знаю, почем стоят уроки, и согласна платить.

Хигинс. Сколько?

Цветочница (*приближаясь к нему, торжествующе*). Наконец-то заговорил по-людски. Я ведь знала: стоит вам увидеть, что можно вернуть хоть часть того, что вы швырнули мне вчера вечером, вы сразу станете посговорчивее. (*Доверительно.*) Малость подзаложили за галстук, а?

Хигинс (*повелительно*). Сядьте!

Цветочница. Только выкиньте из головы, что мне из милости...

Хигинс (*громовым голосом*). Кому я сказал? Сядьте!

Миссис Пирс (*строго*). Садитесь, моя милая. Делайте, что вам велят. (*Придвигает свободный стул к камину между Хигинсом и Пикерингом и становится за ним, ожидая, пока девушка сядет.*)

Цветочница. А... аааоооу... у. (*Стоит ошеломленная, но с вызывающим видом.*)

Пикеринг (*с изысканной вежливостью*). Не присядете ли?

Цветочница (*неуверенно*). Что ж, это можно. (*Садится.*)

Пикеринг возвращается к камину.

Хигинс. Как вас зовут?

Цветочница. Элиза Дулитл.

Хигинс (*торжественно декламирует*). Элиза, Элизабет, Бетси и Бесс. Удрали за птичьими гнездами в лес.

Пикеринг. В гнезде там четыре яйца отыскали.

Хигинс. Оставили три, а по штучке забрали.

Оба заливаются хохотом, довольные своим остроумием.

Элиза. Хватит дурить-то!

Миссис Пирс. Так, милая, с джентльменами говорить не полагается.

Элиза. А чего он со мной не по-людски разговаривает?

Хигинс. Вернемся к делу. Сколько же вы намерены платить за уроки?

Элиза. Да уж я знаю, сколько положено. Моя подружка берет уроки французского языка по восемнадцать пенсов за час. Так то у настоящего француза. А у вас ведь не хватит нахальства брать с меня за мой родной язык столько же. Вот я и не дам больше шиллинга. Хотите – берите, не хотите – как хотите.

Хигинс (*расхаживает по комнате и, засунув руки в карманы, позванивает ключами и мелочью*). Знаете, Пикеринг, если рассматривать шиллинг не просто как шиллинг, а как некий процент с ее заработка, то он для нее то же, что шестьдесят – семьдесят фунтов для какого-нибудь миллионера.

Пикеринг. То есть как?

Хигинс. А вот так – посчитайте сами. Миллионер имеет примерно сто пятьдесят фунтов в день. Она зарабатывает примерно полкроны.

Элиза (*заносчиво*). Кто это вам сказал, что я зарабатываю только...

Хигинс (*продолжая*). Она предлагает мне за уроки две пятых своего дневного дохода. Две пятых дневного дохода миллионера составили бы примерно шестьдесят фунтов. Недурно! Нет, черт побери, колоссально! Это, пожалуй, самый высокий гонорар в моей жизни.

Элиза (*вскочив в ужасе*). Шестьдесят фунтов! Что вы такое городите! Я и не думала предлагать вам шестьдесят фунтов. Откуда мне их взять...

Хигинс. Придержите язык!

Элиза (*плача*). Нету у меня столько...

Миссис Пирс. Не плачьте, глупенькая. Сядьте. Никто не возьмет ваших денег.

Хигинс. Зато кто-то возьмет метлу и всыпет вам как следует, если не перестанете реветь. Сядьте.

Элиза (*нехотя повинувшись*). О-о-о... а-а-у. Полегче – вы мне пока что не отец!

Хигинс. Если уж я возьмусь вас учить, то буду пострашнее двух отцов. Натэ. (*Протягивает ей свой шелковый носовой платок.*)

Элиза. Это еще для чего?

Хигинс. Чтобы вытирать глаза. Вытирать нос, вытирать все, что окажется мокрым; и запомните: вот это – платок, а это – рукав. Не путайте их, если хотите стать леди и поступить в цветочный магазин.

Окончательно сбитая с толку, Элиза беспомощно смотрит на него.

Миссис Пирс. Бесполезно с ней говорить, мистер Хигинс: она же вас не понимает. Кроме того, вы не правы, она рукавом не утирается. (*Берет у нее носовой платок.*)

Элиза (*вырывая платок*). Еще чего! Отдавайте платок! Он не вам его дал, а мне.

Пикеринг (*смеясь*). Верно. Боюсь, миссис Пирс, что платок теперь придется рассматривать как ее собственность.

Миссис Пирс (*подчиняясь силе обстоятельств*). Так вам и надо, мистер Хигинс.

Пикеринг. Послушайте, Хигинс! Мне пришла в голову интересная мысль. Помните, вы похвастались, что сумели бы выдать ее за герцогиню на приеме в посольстве? Если вам это удастся, я признаю, что вы лучший педагог в мире. Держу пари на все издержки по эксперименту, что вам это не удастся. Я даже согласен платить за ее уроки.

Элиза. Вот это добряк! Спасибо, кэптен.

Хигинс (*готовый поддаться искушению, смотрит на Элизу*). Чертовски соблазнительно! Она так неподражаемо вульгарна, так невероятно грязна.

Элиза (*с возмущением*). Оау-о-о-о-о-о. И совсем я не грязная. Я мыла и лицо, и руки, а потом уж пошла к вам. Вот!

Пикеринг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.